РЕЦЕНЗИИ

**В.И. КОРОВИН. РОССИЯ И ЗАПАД
В БОЛДИНСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА:
“МОЦАРТ И САЛЬЕРИ”, “ПОВЕСТИ ПОКОЙНОГО ИВАНА ПЕТРОВИЧА БЕЛКИНА”.**
М.: “РУССКОЕ СЛОВО”, 2013. 604 с.

Новая книга известного пушкиниста В.И. Коровина – итог многолетних кропотливых трудов по изучению пушкинского наследия. Гениальная догадка, высказанная еще в середине XIX века критиком Аполлоном Григорьевым, о противоречивом – и вместе плодотворном – сочетании в пушкинском творчестве напряженно-страстной и потому трагической “западной” линии, нашедшей свое выражение, в частности, в “Маленьких трагедиях”, и более мягкой и ровной, “кроткой”, по выражению Григорьева, национально-отечественной линии, наиболее ярко воплотившейся прежде всего именно в “Повестях Белкина”, получает в монографии развернутое и обстоятельное историко-культурное и собственно литературоведческое обоснование.

Исследование В.И. Коровина привлекательно сочетанием ряда моментов, которые далеко не во всяком современном пушкиноведческом труде сочетаются с такой органичностью, с какой это осуществлено в данной работе. Первая из составляющих этого органического единства, конечно, блистательная академическая выучка, сказывающаяся и в отборе материала, и в самих способах его подачи. Та тщательность, скрупулезность, осторожно-медленная (в хорошем смысле слова) раздумчивость, которые сопровождают предпринимаемый анализ текстов, оказывающихся в зоне авторского внимания, производит сильное впечатление.

Монография, насчитывающая более 600 страниц, распадается на две части, и первая, полностью посвященная всего лишь одной маленькой трагедии – “Моцарт и Сальери”, даже несколько длиннее второй, посвященной “Повестям Белкина”, подробнейшему анализу каждой из которых отведена отдельная глава. Подобная пристальность научного интереса, стремящегося охватить все возможные суждения, мнения, концепции и историко-литературные контексты, выявляющие бытие анализируемого произведения в литературоведческой и литературно-критической мысли, вообще есть отличительная черта и характерное свойство научного подхода В.И. Коровина. Достаточно вспомнить его работу о пушкинской

поэме “Анджело”, написанную в той же научной стилистике: «Шекспир и Пушкин: “Мера за меру” и “Анджело”» (Московский пушкинист. XII. М., ИМЛИ РАН. 2009. С. 105–161). Еще одна яркая примета такого рода подхода и одновременно знак характерной для автора научной стилистики – любовно составленные подробнейшие комментарии к каждой из двух частей книги, учитывающие практически всю существующую на сегодня пушкиноведческую литературу по затронутым в книге вопросам и, что примечательно, занимающие в общем объеме издания чуть ли не третью его часть (приблизительно такое же соотношение основного текста и богатейшего комментария – в работе об “Анджело”).

Вторую важную, на наш взгляд, особенность рецензируемого исследования можно определить как его *открытость* широкой историко-культурной перспективе, что проявляется в постоянном подключении к анализу концептуальных параллелей, взятых из сферы, если говорить предельно обобщенно, истории мировой культуры. В результате исследуемый текст не замыкается в пределах узкого историко-биографического подхода, а открывает в себе – иногда в одной строке, в одной фразе персонажа – драгоценнейшие культурные пласты, прежде ускользавшие от внимания исследователей. Таковы, например, рассуждения, с опорой на труды известнейших медиевистов современности, о присущей личности пушкинского Сальери “средневековых” культурных констант (в первой части монографии) или – во второй – размышления о сложном диалоге европейского и национально-русского начал в пушкинском сознании на примере анализа духовной сути едва ли не всех персонажей исследуемых в монографии “белкинских” текстов. Сюда же следует добавить, хотя в книге об этом не идет речи, что *сами собой* – просто исходя из освещаемой в ней проблемы столкновения болезненно-драматического европейского и уравновешивающего гармонического русского начал – напрашиваются и другие параллели, из последующей истории русской литературы. Ведь и Тургенев, и Гончаров, и Толстой, и Достоевский, да и Чехов, в чьем

творчестве проблема Россия – Запад ставится не менее остро, чем у Пушкина, не только мыслили в одной с ним культурологической парадигме, но и, как правило, непосредственно опирались в своих поисках на литературные опыты великого поэта. И, конечно, не в последнюю очередь – на его главные болдинские произведения, впервые столь наглядно вычленившие и противопоставившие два этих начала, противоречиво уживающиеся в русском сознании, русской душе и, шире, русском национальном мироощущении в целом.

Следующую составляющую правильнее всего было бы обозначить как научную трезвость, литературоведческий здравый смысл. Свободные культурологические полеты, как известно, могут завести очень далеко. Свобода выхода в сферу мировой культуры у В.И. Коровина неизменно корректируется такой простой вещью (хотя многими в наш постмодернистский век основательно подзабытой), как обыкновенный здравый смысл. Чем фантастичней какая-нибудь новая оригинальная гипотеза, тем бдительней око исследователя следит за перипетиями ее развития в литературоведческих умах. Ничего не отвергая априори, всегда с доброжелательной любезностью излагая точку зрения оппонента, В.И. Коровин тем не менее умеет найти настолько убедительные аргументы в пользу здравого смысла, что фантастическая гипотеза, теряя свою фантастичность, предстает как ничем не оправданная надуманность. Мы имеем в виду развернутую в первой части книги полемику с множасимися сторонниками новейшей интерпретации смысла и сюжетных поворотов трагедии “Моцарт и Сальери” (гипотеза “открытого отравления” и “двойного самоубийства”). “В защиту традиционной версии” – таков подзаголовок первой части книги. Разумеется, каждый волен выбирать между новым и традиционным, это же, кроме всего прочего, еще и дело вкуса. Но нам бы хотелось подчеркнуть, что в данном случае традиционное выбирается отнюдь не по причине консерватизма мысли, заведомо не принимающей нового только потому, что оно является новым, а по причинам совсем другого порядка. Помимо здравого смысла, мы бы назвали еще одну – это культура вкуса. Да, фантастическая гипотеза может быть и занятной, и оригинальной. Но если мы, положим, принимаем ее и при

этом не замечаем, каким диссонансом она звучит применительно к *целому* художественного произведения, как, вторгаясь в его органическую ткань, она поневоле разъедает, разрушает ее, лишая произведение его завершенной в себе художественности, – тут-то эта самая проблема, проблема культурного вкуса, и выходит на поверхность. Да, о вкусах не спорят, а вот о культуре вкуса спорить и можно, и нужно. И полемика, ведущаяся в книге, как нам кажется, неявно опирается в том числе и на этот критерий.

И, наконец, особенность, по своей природе несколько отличная от всех перечисленных, однако безусловно достойная упоминания. Это – не побоимся такого выражения – благородный и чистый моральный пафос, ориентированный на защиту классических бытийных ценностей, совокупным воплощением которых для автора книги является сам Пушкин в многоаспектности своего творческого и духовного поиска. Разумеется, в книге, труде академического толка, этот пафос никогда не проявляется в виде прямого поучения, но вот показательное высказывание на странице 6: Пушкин “...дал нам идеал прекрасного, совершенного и гармоничного будущего общежития и обязал нас стремиться к нему и достичь его”. Кем-то подобное высказывание может быть расценено как наивное, но как раз наивности в нем меньше всего. Тут самое время вспомнить знаменитую формулу того же Аполлона Григорьева “Пушкин – это наше всё”. Каким бы общим местом она ни казалась нам сегодня, по существу она расчитана на совсем другое восприятие. Что у нее невозможно отнять, так это дышащее в этой формулировке чувство любви автора высказывания к Пушкину. И если с *такой* точки зрения взглянуть на фразу об “идеале будущего общежития”, пусть подспудно, неволью и даже как бы нечаянно намеченного в “Повестях Белкина”, то мы увидим, что за ее внешней наивностью стоит не что иное, как та же любовь. А там, где любовь, там – почти неизбежно – и трогательное доверие к тому, кого мы любим. А почему нет?

Нельзя также не упомянуть замечательный подбор иллюстраций, по-своему дополняющих, а подчас и разъясняющих ряд моментов и положений, затрагиваемых в монографии.

С.В. Тихомиров